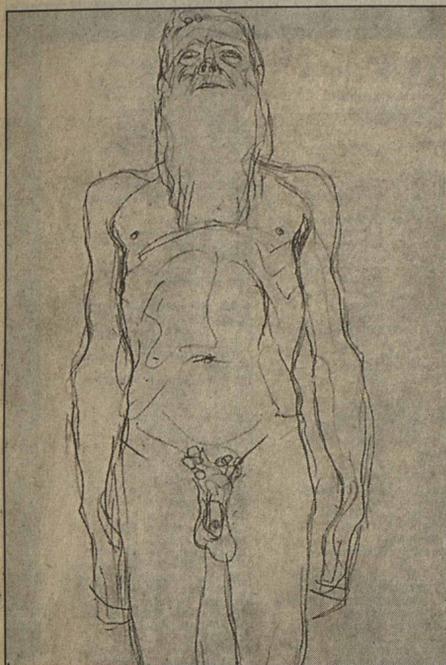

Антология

Обзор рецензий на книги о браке Льва Николаевича и Софьи Андреевны

Марина Темкина

Л.Н. ТОЛСТОЙ

Материалов для понимания, что происходило в их взаимоотношениях, не перечесть. И сами они фиксировали, следили, чтобы ничего не упустить, фиксировали, что предложить вниманию потомков в стерилизованном виде, а что выпустить из виду, чтобы не просочилось, но друг с другом договаривались не слишком точно, не кооперировались, взаимопонимание у них хромало, отсюда создаются возможности интерпретации. Неудобно было высказаться друг другу, что каждый думал, боялись обидеть, скрывали,

но в напряженные моменты, естественно, не выносили, и что накапливалось, щелчком тогда и выплескивалось. В дневниках отражена дополнительная информация вплоть до мелочей пищеvarения и симптомов состояния здоровья странных, вся их жизнь, а также они писали письма друг другу и записки. Их дети тоже писали письма папа-мама и о папа-мама и потом не останавливались, писали воспоминания и те, кто остался дома, и те, кто жил за границей. А также писали его секретарь, друзья дома, деятели культуры, писатели, поэты, многочисленные посетители, студенты, и наезжавшие с визитом проездом, и гостиные в доме.

Отношения в семье были сложными, страсти накалялись и посплудно кипели. Напряжение сменялось разрядкой, спокойствием, благодушием, порой перемежаясь разрывами, истериками, объяснениями. Проследившаяся со всей очевидностью между супругами большая близость и порой страдание от непереносимости этой близости, желание быть как можно дальше. Уже ранние биографы писатели замечали этот феномен, называя его закорачиванием друг на друга, взаимозависимостью слишком тесной, сковывающей друг друга. То, что их притягивало друг к другу, и то, что их друг от друга отталкивало, превратилось постепенно во все усиливающееся, как аддикция, полную зависимость.

В итоге оба ощущают совместную жизнь телами, подвешенными на крюке в ожидании боли, словно непереносимое испытание. Накопление в огромных количествах взаимного раздражения, обид и унижений, высказанных под горячую руку в оскорбительной форме. Слава Богу, до рукоприкладства не доходило, в отличие, например, от семейства Фета,

все-таки аристократы: граф, графиня. Все усилия вовлеченных в этот брак направлены были на создание ему условий работать. В этот механизм автоматически записывались все окружающие, как будто у них ничего на уме, кроме «хх, лишь бы он писал свои книги», вытекающие домашних, детей, родственников, знакомых, прислугу.

Понимание до известной степени и непонимание друг друга тоже имело место, и со временем увеличивалось как то, так и другое.

В старости он записал в дневнике: «Она мне никогда этого не простила». Представьте сами: прямо из церкви с новобрачной в карете по тряской дороге в близкую лежащую Ясную Поляну, и тут-то он ее невинности и лишает. Сейчас бы мы это иначе назвали, а тогда она хоть и сопротивлялась, но слабо, не в полную силу, сказать «нет» потяжелее боялась, думала, он опомнится, повременит, поймает, покажет. Да и как в 18 лет сопротивляться взрослому даде, боялась, полагает, что она его, мужа, недостаточно пылко любит, да как ж тут любовь-то, мало приятного на сиденье в пыльной карете, в одежде. Для него это было демонстрацией силы, бушующей страсти и героической славы подавить сопротивление раз и навсегда.

А жить-то потом как вместе, когда у нее, кроме отвращения... К концу жизни оба они уже долащивались о том, что способ мышления, восприятия и чувствования у женщин и мужчин разный, и приоритеты, и ощущение себя в конфликте, и подход к его решению тоже различен, а главное, к свободе личной, к соединению с другим индивидуумом и к отсоединению от другого, но все не формулируя этого точно.

Возможно, каждый из них полагал, что есть какой-то один правильный путь. Отсюда их взаимная и каждого по отдельности беспомощность в понимании друг друга: ни представить свои отличия, ни объяснить, и потеря надежды, что это вообще возможно.

Принадлежность к традиционному мышлению вообще различия между людьми не предполагает. Традиция стоит на единстве, однородности одной масти. Для традиции главное счастье в похорождении, в одинаковости, а чем там мужчина, женщина, муж и жена, кто на это внимание обращает. В сходстве-то различия и начинают проявляться.

В это же по тем временам эволюционный шаг свободного сознания, взять да и согласиться, что мы разные, это ж меры какие-то практические принимать придется. Женщина тогда сама о себе еще не писала, как будто выразить, какая она, не было у нее надобности, как бы вообще это было не ее дело, а писателя-мужчины касалось, а может, было ему описывать ее сподручной, было у него на это время и место, а ее не спрашивали как будто и, не спрашивая, как им нравятся, трактовали, отсюда возникла взаимная мифология, недоумение по поводу друг друга и полная неизвестность.

Собственно, так тогда жили все люди, включая прототипов героев его романов. Перефразируя его мысль, выразившую, по сути, одно из догм коллективных заблуждений, *все несчастные семьи несчастны одинаково, каждая счастливая семья счастлива по-своему*. Что и есть большая редкость, так как счастье — это тяжелая работа. Несчастье устроить легче простого, а трагедия и подаяно — она вообще без усилий происходит: взял, к примеру, да и совсем спился или жену ножичком пререзал.

Уж лучше, думали оба, болезненных вопросов не касаться, не трогать, образумиться, а в душе кипело. Да и как их не трогать, когда они — суть жизни, плюс деньги, которые, как некоторые уверяют, часто рассматриваются как эквивалент эмоций и доверия друг к другу. Уж тут состояние не выучит, жить-то надо на что-то и детям оставить. В этом браке делались искренние попытки движения навстречу друг другу и ложные шаги тоже, закончившиеся разрушением друг друга, его уходом и смертью, что, впрочем, в таком возрасте не редкость.

Не имея намерения упростить, в одном согласии, как подсказывает здравый смысл и жизненный опыт: кто такой или более-менее сходящий брак не испытывал? Другое дело,

не каждый умудрился описать его столь художественным образом. Интерес к проблеме перерос рамки русской литературы, славистики, специфичи романа, типологии реализма, психологии творчества, социологии семейной жизни, культурологии и многих других предметов гуманитарного знания.

Разумеется, это случилось не потому, что брак стал осознаваться людьми как наущность, испытываемая ежедневно каждым, напротив, эта форма отношений меняется довольно сильно и продолжает, но замечено, что войны и прочие неприятности среди людей начинаются в семье. Отсюда проблематика брака как-то связана с наступившими впоследствии историческими событиями

в этой отдельно взятой стране, так что неплохо бы понять, как именно это происходило. В конце жизни, переворотившись и продолжает, в действительности как бы в собственном герое и как будто предлагая читателям очередную главу романа, слегка потрафывая представлениям о себе как о великом эксцентрике и тем самым удовлетворяя общественным ожиданиям, но также и в порыве отчаяния к свободе из этого ада семейной жизни, который он наполняет сам собой, и не без эффектного нарциссизма он исполняет красивый сонет.

Литература такого не может себе позволить. Пружина драмы, однако, та же: исключительная личность, романтический бунт и вызов, наказание, отмена, а ее, их всех оставить мучиться до конца виною.

Плюс опять-таки дети, воспитанные в обстановке благоговения перед отцом: он «гений», он «великий», «мыслитель», — Ахматова, не будучи его дочерью, взяв на себя смелость, запросто его дураком называла, —

а своим-то детям и послушаться невозможно, ни спрятаться от нотаций, от нравственности его постоянной, от давления отцовским авторитетом. Это, утверждал биографы, обычная картина семьи в то время, существует даже идея, что революция, произошедшая семь лет спустя с его смерти, была бунтом детей, подавляемых с рождения, и волной прорвавшейся юрости против отцов как носителей вертикальной иерархии социума вышестоящих.

Итак, в Штатах в последние годы вышли четыре книги. Луиза Смолуховски. «Лев и Софья: история брака Толстого»; А. Н. Вильсон. «Толстой»; Джей Парини. «Последняя остановка: рассказ о последнем годе жизни Толстого»; и самая среди них комплиментная В. Шраера «Любовь и ненависть». По прочтении этих книг, собрав волею мнения авторов, складывается картина, что Толстой Л. Н. был личностью чрезвычайно уязвимой, содержащей в себе сложное переплетение болезненных, внутренне конфликтующих клубков, первым доказательством чему является тот факт,

что смолоду ему была свойственна фиксация на появлении любой юбки, из просторных или представительных света. Причиной этого являются неразрешенные отношения с матерью, в данном случае это подтверждается характерной для его сословия в раннем возрасте оторванностью от родителей и подчиненным положением ее супругата — няни, для которой главное: лишь бы барыня были довольны.

Об осознании этой фиксации говорит его попытка бороться с самим собой, будучи в браке, способом воздержания, реальной причиной чему являлись беременности жены, но что в жизни вызвало принятие им обета и произошло такой подъем, что он начал кампанию публичного морализирования по этому поводу, создания ученых и проповеди воздержания во всем обществе.

Отмеченная авторами неслучайность физиологически только переданного ужаса в эпизоде из «Детства» о мальчике, которого били, приводит их к предположению, что ему приходилось в детстве наблюдать жестокости по отношению к тем, к кому он был привязан, на попечении кого находился и с кем в силу этой близости и своего тоже субординирующего положения родительской воле идентифицировался, с их страданием и болью. Речь идет о нередких в те времена телесных наказаниях домашних слуг.

Авторы отмечают невозможность «вырасти» в обстоятельствах подобного детства, почувствовать себя взрослым, уверенным в себе и дееспособным, отсюда постоянная необходимость доказывать свою ценность и зашкаливание неумных амбиций, объясняющие многочисленные попытки Толстого в молодости казаться «настоящим мужчиной», на войне храбрым офицером, тем самым компенсируя не оставляющее его, словно осушение под ложечкой чувство внутренней несостоятельности. Что, в свою очередь, провоцирует стремление к новому достижению, но по совершении его не делает достигнувшего счастливым и лечением от мучительно переживаемых отношений с самим собой не является.

Подобная жизнь является иллюстрацией и одновременно толкованием никогда не удовлетворяемой жажды успеха.

Биографы также подчеркивается его крайне болезненная общительность, плохо выносимые состояния находящиеся в постоянном возбуждении мысли мозга, не давшему ему покоя, плохой сон, отсутствие аппетита, чрезвычайная импульсивность, легкость в перемене решений и мнений, сочетающиеся с маниакальным упрямством, даже догматизмом, азартная натура игрока, страстное желание в молодости победить в споре, никогда не сомневающимся в своей правоте, борющимся со всем неправедным светом, оброчивавшиеся часто псевдопрогностичности.

Авторы разделяют мнение о том, что надо тем не менее отдать ему справедливость, ибо он был одним из немногих в России представителей правящего класса, пытавшихся хоть что-то предпринять и повлиять на ситуацию, сложившуюся в отечестве. Косность империи, инертность, неспособность правительства принять решение, сделать выбор, отсутствие либеральных реформ и экономических льгот для нуждающихся в них слоев населения произвели события невиданного до того размаха долгосрочного террора.

Опрошение, в котором наряду с демократическими идеалами и чаяниями справедливости авторы усматривают утомленного аристократа к отсутствию формальности в жизни крестьянина, они связывают опять-таки с его личной незрелостью, с ностальгией по детству. Внутренний конфликт писателя, накапливавшаяся годами, проявился в том, что, не находя из создавшихся тягот семейной жизни никакого выхода на рациональном уровне и ощущая жизнь, которую ведет как саморазрушение, он приходит в такое отчаяние, что радикально отказывается от всего им созданного и публично обвиняет свои произведения во всех грехах человеческих. Возможно, такую форму полбессознательном уровне принял импульс самоубийства.

Было бы неверно истолковывать эти противоречия в плане двойственности его характера или как проявление эгоизма раздражительного писателя, считающего, что его труд, состояние духа и правота важнее всего окружающего, в том числе его близких, а на другом конце бросающегося в другую крайность: к самоуничижению. Не стоит также объяснять его действия ложностью отношений между супругами, такой подход устарел и неадекватен.

Исходящая из уст человека, не способного практиковать ничего сходного с любовью хотя бы в минимальных количествах по отношению к близким, призывание к братской христианской любви, по мнению авторов, свидетельствует все же о его поисках позитивной эмоции, могущей спасти в первую голову его самого, живущего в атмосфере мелочной враждебности и ежедневных взаимных обвинений. В этом плане жизнь его не отличалась от жизни героев Достоевского. В силу происхождения и воспитания он умеет подавлять в себе то, что в третьем сословии прорывается наружу скандалом, криком или принуждением силой, но жить-то ему от этой сдержанности не лече.

Подавляемое им исколо выхода и рано или поздно, так или иначе его находило. Что касается его жены, то начало ее брака было нерадостным, если вспомнить данный ей на чтение дневник жениха, считавшего за необходимость исповедаться ей, 18-летней девственнице, в прежних утехах холостой жизни. Для таких признаний более подходящие и компетентные лица. Интерпретировать этот факт как попытку с самого начала подчинить ее, что было единственной известной ему формой отношений, продемонстрировав ей сразу две вещи: кто тут главный, а кто подчиненный, и что она не столь уж незаменима, чтобы не воображала.

Как ни смелая, по отношению к невесте это являлось акцией оскорбительной, чистым садизмом, обманом в правдивые одежды. Возможно, с его стороны это было попыткой полного и безоговорочного овладения ею, новсе между прочим более не сопротивляющейся, как бы захватом добычи в силу принятых норм поведения или просто средством удержания на всякий случай, старым знакомым доверия, памяти архетипы, ведь даже у греков жены иногда с чужими мужчинами сбегали. По мнению некоторых биографов, это было некоей личной проекцией, построенной на его лишившегося матери в два года, внутреннем опыте потери, на страхе опять лишиться, проявляющемся острее всего у покинутых детей, иногда в качестве импульса патологического собственничества, а в некоторых случаях с обратным знаком: безудержного мотовства и разбазаривания средств на ветер.

Возможно, он оправдывался перед собой тем, что в первую очередь тот дневник был фактом литературы, и она предположительно, если не дура, должна была бы это понять и художественным описанием восхититься, так что он не рассчитывал на ее столь непосредственную, бурную реакцию. Тут мы подходим к каждому различию между ним и его молодой женой, для которой не было существенной разницы между жизнью не воспринимала она ее отдельной субстанцией, а литературой, а просто частью жизни. Мы не станем и пытаться размышлять, чего стоило ей, находясь в шоке, ее прощенье, «понимание», слезы. Все это оказалось началом приношения себя в жертву, заведшим мотор садомазохизма, двигавшего их брак долгие годы. По наблюдениям специалистов-профессионалов, это наиболее крепкая форма отношений.

В начале их супружества, многим казавшегося безмятежным, Софья Андреевна переписывает его произведения, не шала глазок и ручек, как будто обожавшись в начале, хочет знать все, что он пишет, чтобы не дать возможности возникнуть между ними секретам, поскольку доверие ее к нему порядком подорвано. Она скрывает это даже от себя невольной, несознательно блокирует, прибегает к естественному самообману, во избежание неудобных вопросов не идет до поры до времени навстречу грустным мыслям, снаружи супругу способствуя великим. Как будто нет на свете для нее самой занятия поинтересней, чем чернильная эта, мурная переписка. Как-то же раньше

он без ее помощи обходился, переписывал, управлялся. С самого начала она сделала это общую для молодых девиц ошибку, предложив пользоваться собою и своим временем бесплатно, что не столько к любви имеет отношение, сколько к тому, как барышня тогда училась: быть полезной мужу, содействовать ему в достижении его цели.

А своей целью лучше всего поставить мысль доказать, что она ему совершенно необходима, что без нее он обойтись вовсе не сможет, втайне надеясь, что не уйдет, не бросит, не заведет на стороне друга, тем самым и себя обрекая на зависимость от его устремлений, и его пытаясь в зависимости от себя поставить, из одной как бы исходя любви всей душой.

Самой ей это тоже предоставляет свободу не искать никакого иного приложения, добровольно ограничить собственную жизнь, не претендовать на большее, спираться за мужчину спину и не пытаться как-то иначе состоять, чем в роли супруги. Старый этот трюк был принят ими взаимно и безоговорочно в силу традиции, как бы по наивности, но последствия не замедлили проявиться.

Софья Андреевна, когда появились дети, не смела, естественно, продолжать на него работать более. А он, как человек не самый в семье взрослый и к тому же ревнуя ее смертельно: не о нем теперь заботится, о ребенке! — посягал открытой ее отказ оскорблением, неуважением к его труду, разочарован в его сочинениях, то есть в нем самом! прелатством.

Как знать, какие его голову населяли химеры. Прошло меньше года, а ожидания, связанные со счастливым в его представлении браке, померкли. Да и расходы увеличились вавое: во-первых, пошли дети, во-вторых, потерян бесплатный переписчик, к любому не обратиться с улицы гимназисту, нужен человек грамотный, с глазом и пониманием, который бы автору внимал с благоговением, не высказывая недовольства, когда в сороковой раз черновики велит исправить.

Естественно, зрелые годы их брака документированы полнее, он приобрел всемирную знаменитость за годы их совместной жизни, поскольку на posteriorнее не отпекался. Дом, жена, дети, есть чем гордиться, семейная жизнь повышает самооценку, придает солидности, прибавляет уверенности в завтрашнем дне, и вообще зрелость, стабильность, что говорить, крепость! С ней как за каменной стеной, есть на кого опереться в трудную минуту писательской жизни, навела среди слуг порядок, и гости ходят. Даже кино о нем в подвале снимают, как он косит, и она тут же с кушинуем семенит рялом, принесла графу воды напиться на сенке в поле.

Детям она занималась, разделение труда сплошное, он творит великое искусство, а она все остальное, жизнь, в прежней шкале ценностей называемую почему-то, пустяки, мелочи быта, не стоящие увековечения. Иногда он из ее дневников переписывал целыми страницами и без изменений так и вставлял в романы, и, слава Богу, хватало средств на прислугу. Но его причуды! а предание анафеме сколько ей слез стоило и мигрени! Так что и ее мечты о счастливом мужестве, в ее представлении,

с интересным человеком, тоже почти что с самого начала потускнели. Все-таки что-то удерживало их вместе, они нуждались друг в друге, хотя желание порвать, разделиться в разные моменты, разной силы тоже присутствовало постоянно. Так же, как и борьба каждого за себя, за независимость друг от друга в рамках семьи заметна у обоих, и демонстрация силы по пустякам между супругами нарастала. Как эти тенденции распознавать, как научиться иметь с ними дело, это и сейчас не очевидно, а тогда тем более казалось: души человеческой потемки.

В этом браке шла подспудная, вероятней всего, неосознанная борьба за власть. Началось это с момента показа ее готовности к беспрекословной субординации, что было воспринято им как должное. А выросши-то во взрослую козьюку дома, как от этого подчиненного положения избавиться, что это изменить, исправить, было ей непонятно. Взаимное желание подвинуться, уступить другому дорогу проследивается тоже, только не тогда, когда это другому необходимо, и каждый почему-то полагает, что может читать другого мысли и угадывать, что тому надобно, и, естественно, ошибается, а ведь каждый хотел как лучше. Намерения и поступки они заранее не обсуждали, не обговаривали друг с другом, подчас очень даже тщательно скрывали планы свои друг от друга. Заметит, что сходящая динамика отношений свойственна традиционным бракам, авторы каждый по-своему рассматривают, какова специфика семьи Толстых.

В зрелые годы супружества Софья Андреевна представляется увявшей и без особых посторонних интересов, кроме детей, дома и его здоровья. А кто бы, интересно, не увял бы от такой жизни, да и все увеличивающаяся полная зависимость от него, близу новую ступеньку заместит укороченным взглядом. И дети выросли, и все больше требуется им средств на существование. Это дает биографам разгуляться на предмет баланса агрессивно-пассивного синдрома во взаимоотношениях в семье Толстого.

А любовь, что ж, конечно, даже наявничая они любили друг друга, только ничему эта любовь не помогает, когда один подчиняется другому, а чаще делает вид, больше только претензий друг к другу и друг от друга ожиданий каких-то несбыточных, и попытки спрятаться за эту привязанность, как за ширму, и ничего неприятного не замечать вовсе. Именно таким способом легче всего от любви переход к ненависти происходит.

Лев же Николаевич, наоборот, в конце жизни жил и писал чрезвычайно активно, приехав женою пользоваться, как подзаряжающей батареей для разжигания его интереса к жизни. Так уж повелось с самого начала, с восхищенного великим писателем ее взгляды.

Теперь-то она другим способом его всю энергию отлавливала, спозаранку, как на зарплате, еще в спальне, с утренней размошкой начиная или с тяжелого молчания. Потом все у нее из рук вывалилось. Нервы, соли, виски интересней лавандой.

То, что уровень творческой энергии Льва Николаевича поднимался с утра даже в строгости удивительно успешно, объясняется, видимо, включением неиссякающего запаса комплекса, провоцирующего самоутверждение за «ее» счет, питающего на короткий срок победоносную уверенность в себе и мужские амбиции. Он входил в кабинет раздраженный, полный энергии и оттого довольный. Конфронтация с женою его заводила, прояснялась в нем боевой дух к петушиным военным действиям. Неосознанный поток ее нервной речи, все, что она в молодости ему смолчала, нескончанно-красочные все упреки подсказывали ему мысли над развитием сюжета. В конце жизни у него участвовали моменты воображения себя мучеником, сбитым и праведником.

Это опять-таки, как отмечают авторы, обыкновенная картина развития столкновения интересов в семьях традиционного типа, особенно при столь ощутимой разнице в возрасте. Конфликт взаимоотношений, где любовь и ненависть сплавлялись в какую-то неудобоваримую для выживания кашу и не делались попытки посмотреть на них по отдельности. Это и сейчас кажется рискованным испытанием для эмоций, а для других так наоборот, без этой ревизии, без рассмотрения по отдельности, где злakai, а где плелева, без отделения их друг от друга нет возможности для продолжения.

Софья Андреевна постепенно превратилась в хорошо исследованный психологический тип, известный в начале века под термином «истеричка». Окончательно потеряв доверие к мужу и зная, что замыкает против нее и детей неблогодар, по миру пустить ее и детей чужо, она контролировала каждый шаг его, по им соответствующе все более отделившись, замыкалась, пытаясь питать ей тем же.

В доме-то она была главной, этой-то уюта территории она единолично управляла, все тут ее руками лежалось, ни воли спросить, чтобы полади бы ее вела, ни кофе, меряться силой в этой сфере было ему невозможно.

В конце он стал догадываться, к чему это разделение обязанностей: нем кабинет, а тебе летская и кухня, — приводит, она его как бы в конечном итоге переиграла, переиграла, победила, но этого было уже не исправить. Она шпионила друг за другом и оба же чувствовали себя под перекрестным надзором, несобойными, одиоными в собственном доме. Тут чем он как раз больше всего тяготился — напоминанием сжелеванном, возвращением как бы в юности в отцовском доме, его посещало желание вернуться все более неодолимое, стала преследовать мысль о победе.

В ней же прогрессировала неограничивавшая подозрительность, страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

Все четыре автора в разной степени применяют психоаналитический и гендерный подход к анализу отношений между* *На этом рецензия обрывается. *Примечание: он умер в 82 года, довольно далеко от дома.

неодолимое, стала преследовать мысль о победе. страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

Все четыре автора в разной степени применяют психоаналитический и гендерный подход к анализу отношений между* *На этом рецензия обрывается. *Примечание: он умер в 82 года, довольно далеко от дома.

неодолимое, стала преследовать мысль о победе. страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

Все четыре автора в разной степени применяют психоаналитический и гендерный подход к анализу отношений между* *На этом рецензия обрывается. *Примечание: он умер в 82 года, довольно далеко от дома.

неодолимое, стала преследовать мысль о победе. страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

Все четыре автора в разной степени применяют психоаналитический и гендерный подход к анализу отношений между* *На этом рецензия обрывается. *Примечание: он умер в 82 года, довольно далеко от дома.

неодолимое, стала преследовать мысль о победе. страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

неодолимое, стала преследовать мысль о победе. страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

неодолимое, стала преследовать мысль о победе. страх потери, желание удержать состояние, права, собственности, граничащее с безумием и замешанное на общем для такого типа отношений убеждении, что она отдала ему всю жизнь, а он и не оценил ее жертвы. И у нее тоже учащийся фантазии ощущение себя мученицей, святой и праведницей.

П.С. ПУШКИН

